

ПРОТОКОЛ ЗАДЕРЖАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО КАК БОЛЬНОЙ ЗУБ: ЛЕЧИТЬ ИЛИ УДАЛЯТЬ?

А н н о т а ц и я: настоящая статья посвящена рассмотрению протокола задержания подозреваемого как уголовно-процессуального акта, фиксирующего решение следователя о краткосрочном ограничении конституционного права человека на свободу и личную неприкосновенность.

Отталкиваясь от подлинного назначения задержания подозреваемого, автор приходит к выводу об отсутствии в протоколе задержания того «высокого» правового смысла, который вкладывается в иные резолютивные акты предварительного расследования. В этой связи предлагается исключить протокол задержания из сферы уголовно-процессуального регулирования с передачей в административное ведение полиции и иных «силовых» ведомств, осуществляющих фактическое задержание и доставку потенциальных подозреваемых.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, неприкосновенность личности, полицейское задержание, протокол задержания подозреваемого, уголовно-процессуальный акт.

PROTOCOL FOR DETAINING A SUSPECT AS A SICK TOOTH: TO TREAT OR DELETE?

A b s t r a c t: the author of the article considers the protocol of detention of a person on suspicion of committing a crime as a procedural act, which fixes the investigator's decision on the short-term restriction of the right to liberty and personal inviolability.

The author builds on the true purpose of the suspect's arrest and concludes, that in the protocol of detention there is no "high" legal meaning, which is invested in other resolutions of preliminary investigation. The author proposes to exclude the protocol of detention from the sphere of criminal procedure regulation with the transfer to the administrative authority of the police and other departments carrying out the actual detention and delivery of potential suspects.

Key words: detention of a suspect, inviolability of the person, police detention, protocol of detention of the suspect, criminal procedure act.

Поступила в редакцию 1 декабря 2018 г.

Согласно ч. 1 ст. 92 УПК РФ после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол его задержания. Таким образом, действу-

ющий уголовно-процессуальный закон придает протоколу задержания значение некоего резолютивного акта (акта-решения), порождающего возникновение принципиально новых публично-правовых отношений между государством и личностью.

© Россинский С. Б., 2019

Вместе с тем любой специалист должен прекрасно понимать, что протокольная форма фиксации решения о задержании подозреваемого мало соответствует его процессуальной природе, его резolutивному характеру. Как совершенно справедливо отметили О. Я. Баев и М. О. Баев, протокол задержания подозреваемого выполняет функции обычного постановления следователя; он содержит все необходимые для того элементы и атрибуты – от даты и времени его составления до подписи должностного лица, принявшего данное процессуальное решение¹, ведь протоколами (от греч. *protokollon* – первый лист манускрипта) в уголовном судопроизводстве РФ принято считать документы, фиксирующие ход и результаты следственных, судебных и иных процессуальных действий (актов-действий). Тогда как публично-правовые акты-решения в досудебном производстве оформляются иными документами – постановлениями.

Согласно п. 25 ст. 5 УПК РФ постановление – это любое решение, вынесенное в ходе досудебного производства, за исключением обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления. Всякая прочая, помимо задержания, мера уголовно-процессуального принуждения применяется на основании соответствующего постановления следователя или суда. Кстати, еще в 1999 г., т. е. до принятия УПК РФ, В. Н. Григорьев прямо предлагал оформлять решение о задержании подозреваемого постановлением как документом, в большей степени соответствующим сущности указанного процессуального распорядительного акта².

Непонятно, почему авторы действующего Кодекса, прямо определив задержание подозреваемого как меру процессуального принуждения, не удосужились устранить этот существующий долгие

годы нормативный «ляп», этот «больной зуб» в общем механизме краткосрочного ограничения свободы и неприкосновенности личности.

Хотя ради справедливости следует отметить, что в п. 4 ч. 1 ст. 38 УПК РФ все же содержится некое полномочие следователя давать органу дознания письменное поручение об исполнении постановления о задержании. К слову, некоторые государства, возникшие на постсоветском пространстве, проявили большую добросовестность по отношению к данному вопросу. Например, ст. 110 УПК Беларуси предписывает составление протокола лишь должностным лицом, осуществившим фактическое задержание, тогда как следователь определяет дальнейшую судьбу задержанного посредством постановления.

Многие авторы, упоминая об указанном правовом изъяне, относятся к нему как к некоей «аксиоме», связывая причины его возникновения с законодательной традицией, мол, так было всегда³. Однако подобное объяснение является поверхностным, ведь любой обычай (неважно, где: в политике, культуре, праве или где-то еще) не зарождается просто так, а всегда имеет веские основания и условия возникновения. Другое дело, что далеко не в каждом случае ученым удастся, проследив динамику развития того или иного явления, проанализировав его генезис, выявить и правильно оценить основания и условия возникновения существующих традиций.

Представляется, что подлинные причины протокольной формы фиксации процессуального решения о задержании подозреваемого имеют куда более глубокие корни, уходящие далеко в прошлое. Они напрямую связаны с развитием отечественного досудебного производства и обусловлены имевшими место в истории разными подходами к понима-

нию (а может быть, и банальным недопониманием) законодателем правовой природы этого акта, неопределенностью в вопросе, чем все-таки является задержание подозреваемого: превентивной «полицейской» мерой или мерой уголовно-процессуального принуждения.

В частности, архаичное дореформенное законодательство Российской империи⁴ полностью отдавало предварительное следствие по уголовным делам в ведение полиции. Поэтому именно за полицией закреплялось исключительное право «брать кого-либо для допроса и исследования в случае, когда улика в преступлении основана на обстоятельствах, возбуждающих сильное подозрение». Устав уголовного судопроизводства Российской империи, несмотря на появление механизмов судебного следствия, полностью сохранил полномочия по задержанию подозреваемого в компетенции полицейских органов. Кстати, и первый «социалистический» УПК РСФСР 1923 г., невзирая на ликвидацию царской полиции, на появление новых органов дознания, по-прежнему позиционировал задержание подозреваемого как сугубо «полицейскую» меру, осуществляемую как бы в «доследственном» правовом поле, т. е. до принятия уголовного дела к производству следователем.

Да и вообще, как имперское, так и раннее советское процессуальное законодательство в принципе не предполагало столь сильной формализации процедуры задержания подозреваемого, подобно тому, как этот вопрос решается сегодня. Захват, доставление и юридическое оформление задержанного осуществлялись в достаточно свободном режиме, определенном не столько законодательными нормами, сколько внутренними регламентами и этическими правилами работы правоохранительных органов. В этой связи один из известных дорево-

люционных процессуалистов Н. Н. Розин отмечал: «Предварительный полицейский арест как мера обеспечения явки обвиняемого к судебному или следственному органу в нашем праве не вылился в отчетливые формы»⁵. Как до-, так и послереволюционные авторы вообще писали о задержании подозреваемого как бы вскользь, игнорируя подробное рассмотрение этих вопросов⁶.

И уж тем более ни у кого и никогда не возникало мысли о каком-либо разделении процедуры применения данной меры на фактическую и процессуальную части. Задержание подозреваемого воспринималось как единый, целостный превентивный «полицейский» акт, обеспечивающий возможность последующего процессуального взаимодействия судебно-следственных органов с человеком, потенциально подлежащим уголовной ответственности. Кстати, впервые протокол как документ, фиксирующий действия по задержанию подозреваемого, был регламентирован в Инструкции об организации милиции 1918 г.⁷ В примечании к п. 2 ст. 28 этого нормативного акта указывалось: «О каждом случае задержания советская милиция составляет протокол с точным обозначением места, дня и часа задержания, а равно основания применения этой меры».

И поэтому *нет ничего удивительного в зарождении традиции, предполагающей оформление акта задержания подозреваемого не постановлением, а именно протоколом – по аналогии со многими другими формами деятельности полиции, милиции или иных правоохранительных органов.*

Однако традиция традицией, а современный Уголовно-процессуальный кодекс РФ достаточно сильно отличается от своих «дедушек» и «прадедушек». Ввиду целого ряда факторов и исторических катаклизмов XX в. в России сформировалась особая, самобытная нацио-

нальная модель уголовного судопроизводства, предполагающая интеграцию «классических» следственных полномочий с «полицейскими», относящая процессуальную функцию предварительного расследования к компетенции «силовых» ведомств. Представляется, что основной «разрыв в цепи» случился в 1928 г., когда народные следователи были выведены из ведения судов и полностью подчинены органам прокуратуры (Наркомату юстиции)⁸. А кардинальный процессуальный «перелом» в этой части произошел во время реформы уголовного судопроизводства конца 1950-х – начала 1960-х гг., формально легализовавшей право следователя на задержание подозреваемого (ст. 32 Основ уголовного судопроизводства СССР⁹, ч. 6 ст. 127 УПК РСФСР 1960 г. и аналогичные положения уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик).

Правда, вначале данные нормы считались как бы факультативными. Например, ст. 122 УПК РСФСР 1960 г. возлагала основное бремя задержаний подозреваемых на органы дознания. Следовательно же в этом вопросе отводилась второстепенная роль; по смыслу закона он мог использовать такой правовой рычаг лишь в исключительных случаях, если приступал к расследованию на самом раннем этапе. И тем не менее с учетом сформировавшейся в позднесоветский период правоприменительной практики следователи принимали и продолжают принимать к своему производству большинство уголовных дел (вернее, даже еще не дел, а только лишь материалов) на этапе доследственной проверки сообщения о преступлении. Поэтому в реальности сугубо «следственные» задержания подозреваемых возымели повсеместное распространение. А часть 1 ст. 91 действующего УПК РФ (в изначальной редакции) уже наделяла полномочиями по задержанию

подозреваемых не только органы дознания, дознавателя, следователя, но и прокурора, превращая его (задержание) в полноценный юрисдикционный акт применения уголовно-процессуального права и еще более усиливая недопонимание замыслов законодателя.

О чем же думали авторы действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ, зачем-то сохранив старую протокольную форму решения о задержании подозреваемого при новых подходах к сущности и содержанию уголовной юстиции и допуская, таким образом, очевидный для любого специалиста нормативный «ляп»?

В данном случае (кстати, как и в части иных актуальных проблем уголовно-процессуального права) может возникнуть лишь одна более или менее состоятельная гипотеза. Видимо, стремясь выработать новую демократическую идеологию уголовного процесса, создать безукоризненные с точки зрения либеральных ценностей принципы уголовного судопроизводства, авторы УПК РФ просто не уделили должного внимания сугубо «рабочим», процедурным вопросам. Решая политические, стратегические задачи, они забыли или не успели привести в соответствие с ними детали, т. е. конкретные правила проведения процессуальных действий и принятия процессуальных решений. А может быть, и вообще посчитали подобные детали несущественными.

В этой связи вполне закономерно возникает перспективный вопрос: а надо ли вносить очередные изменения в УПК РФ, заменив протокол задержания подозреваемого постановлением? Или, может быть, сохранить Status Quo, оставить все как есть, понадеявшись, что правоприменительная практика сама все расставит на свои места?

Представляется, что само по себе изменение названия акта-решения о за-

держании не позволит достичь никаких осязаемых практических результатов и оптимизировать следственную практику. Более того, протокол задержания подозреваемого – это уже настолько привычный и расхожий «штамп», что подобные реформы, наоборот, могут привести правоприменителей к еще большей сумятице и только усугубить и без того непростую ситуацию.

Другое дело, что указанная терминологическая неточность тянет за собой целый ворох куда более серьезных проблем. И одна из них заключается в различных процессуальных правилах составления протоколов (актов-действий) и постановлений (актов-решений). Ввиду рассмотренной выше неопределенности по поводу юридической природы задержания подозреваемого законодатель в ст. 92 УПК РФ предъявляет такие требования к протоколу, которые более похожи на правила оформления других протоколов, фиксирующих ход и результаты следственных действий (участие защитника при составлении, результаты личного обыска, другие обстоятельства задержания и т. д.).

Но протокол задержания впитал в себя и некоторые требования, свойственные актам-решениям (например, необходимость указания оснований и мотивов задержания), но как-то очень вскользь, без четкого разъяснения их содержания. Подобная законодательная конструкция приводит к весьма негативной практике, выраженной в том, что следователи фактически игнорируют требования ч. 4 ст. 7 УПК РФ об обоснованности и мотивированности процессуальных актов, ограничиваясь лишь указанием одного из предусмотренных ст. 91 УПК оснований для задержания. Да и сами используемые бланки протоколов разработаны таким образом, что правоприменителю вряд ли удастся вписать туда много «авторского»

текста. В этой связи мы полностью разделяем опасения О. Я. Баева и М. О. Баева о возможных нарушениях и злоупотреблениях должностных лиц в силу отсутствия необходимости отражать в протоколе задержания саму «фабулу» преступления и его уголовно-правовую квалификацию¹⁰.

Еще одна проблема возникает из-за дублирования функций по составлению протокола задержания разными должностными лицами. С одной стороны, составление протокола – это прямая обязанность должностного лица правоохранительного органа, осуществившего фактический захват и доставление задержанного. В частности, подобное требование (кстати, обремененное теми же, что и в УПК РФ, гарантиями) четко вытекает из ст. 14–15 Закона «О полиции»¹¹ и конкретизируется в специальном Наставлении для дежурных частей ОВД¹², которое закрепляет эту функцию за оперативным дежурным. Но, с другой стороны, находящиеся в системном единстве положения ч. 1 ст. 91 и 92 УПК РФ указывают на сугубо процессуальный характер данного полномочия, возлагая его на следователя.

Кто же должен на самом деле составлять протокол задержания подозреваемого? К сожалению, законодатель не может дать четкого ответа на данный вопрос. А правоприменительная практика в этой части складывается весьма и весьма разнообразно. В некоторых случаях протоколы задержания составляют оперативные дежурные полиции, позиционируя себя в качестве представителей органов дознания. Где-то протокол составляется лишь следователем, а предусмотренное Законом «О полиции» требование о собственном «полицейском» протоколе просто игнорируется. Иногда используется «двойная» практика: сначала (при доставлении) оформляется «полицейский» протокол, а затем (в течение 3 часов) – «следственный» и т. д.

Поэтому представляется, что *затрагиваемые в настоящей статье вопросы могут быть разрешены только при четком и ясном понимании самой юридической природы акта (решения) о задержании подозреваемого, которая, в свою очередь, методологически обусловлена целями данного правоограничительного механизма.*

Но каковы цели задержания подозреваемого? Анализ абсолютного большинства научных позиций по данному поводу¹³ предопределяет вполне очевидный вывод: *основная цель задержания подозреваемого – это обеспечение нахождения лица «при уголовном деле», т. е. в условиях процессуальной доступности для производства с его участием следственных действий и иных процессуальных процедур, направленных на установление его причастности к совершению преступления и решение вопроса о возможности применения к нему заключения под стражу или домашнего ареста.* В качестве дополнительных, но не менее важных целей задержания подозреваемого следует назвать: *а) воспрепятствование другим формам противодействия расследованию (воздействию на свидетелей, экспертов, уничтожению доказательств и т. д.); б) пресечение иной преступной деятельности.*

Сложный комплексный характер задержания подозреваемого (фактическое задержание → доставление → составление протокола и т. д.), предполагающий его многогранность, неоднородную правовую природу, невольно наводит на закономерный вопрос: а в какой конкретный момент человек реально оказывается во власти правоохранительных органов и лишается возможности свободно располагать собой?

Ответ на него очевиден. Это происходит одновременно с так называемым фактическим задержанием (захватом), являющимся самым первым (допроцессуальным) этапом всей процедуры за-

держания подозреваемого в совершении преступления. Именно в этот момент реально ограничивается предусмотренное ст. 22 Конституции РФ право на свободу и личную неприкосновенность; в этот же момент человеку предоставляются основные юридические гарантии, оберегающие статус задержанного и его последующие взаимоотношения с правоохранительными органами. Вспомним хотя бы решения Европейского суда по правам человека, связывающие лишение физической свободы не с формальными, а с сущностными факторами¹⁴. Подобных позиций традиционно придерживался и Конституционный Суд РФ. В одном из самых известных постановлений по вопросам задержания подозреваемого – по делу В. И. Маслова – отмечается, что ч. 2 ст. 48 Конституции РФ определенно указывает именно на сущностные признаки, характеризующие фактическое положение лица как нуждающегося в правовой помощи в силу того, что его конституционные права, прежде всего, на свободу и личную неприкосновенность, ограничены, в том числе в связи с уголовным преследованием в целях установления его виновности¹⁵.

Таким образом, система действующего законодательства предполагает весьма интересный правовой феномен. *Основная цель прямо предусмотренного УПК РФ уголовно-процессуального механизма достигается за рамками уголовного судопроизводства* (часто даже до возбуждения уголовного дела), в ходе реализации своих служебных полномочий лицами, не входящими в круг участников предварительного расследования. Органы дознания и предварительного следствия получают в свое ведение задержанного уже после обеспечения необходимых условий нахождения данного лица «при уголовном деле» (а как же иначе!), пресечения возможности попыток воспрепятствовать

их деятельности и продолжить криминальное поведение. Задержание, – пишет Л. В. Головкин, – почти всегда является фактическим, что вытекает из его природы и его оснований, поэтому противопоставлять надо не фактическое и юридическое задержание, а само задержание и его процессуальное оформление, происходящее *post factum*¹⁶.

Но если так, то какую же цель тогда преследует собственно процессуальное решение о задержании подозреваемого, принимаемое в порядке ст. 91–92 УПК РФ? Представляется, что лишь только одну. Посредством составления протокола следователь осуществляет своеобразную процессуальную легализацию принятого ранее полицией или сотрудниками иных «силовых» ведомств акта ограничения конституционного права лица на свободу и личную неприкосновенность.

Исходя из predeterminedных международно-правовыми стандартами и Конституцией РФ подходов, процессуальное решение о задержании не привносит в уголовное дело ничего нового, не обусловливает ни возникновения, ни изменения, ни прекращения никаких принципиально новых правоотношений. Все основные права (на телефонный звонок, уведомление заинтересованных лиц, защиту и т. д.) задержанный получает с момента своего захвата. Кстати, эти права тоже не имеют ярко выраженного процессуального характера и вполне могут быть обеспечены правоохранными органами, например, в соответствии со ст. 14 Закона «О полиции».

Чтобы окончательно развеять возможные сомнения и заранее ответить на вполне ожидаемую критику оппонентов – мол, подозреваемый имеет куда больше прав – позволим себе немного отвлечься от предмета настоящей статьи, пояснив, что юридическое признание за лицом данного процессуального статуса совсем

не обязательно должно быть привязано к составлению протокола задержания, как это определено в п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ. Сугубо формально начало осуществления в отношении задержанного уголовного преследования можно увязать с любым иным процессуальным действием или решением, например, с его первым допросом в качестве подозреваемого.

Протокол задержания даже нельзя признать неким «актом приема-передачи» доставленного лица из ведения приведших его сотрудников в распоряжение следователя с переложением на последнего всей полноты ответственности за судьбу данного человека, ведь согласно ч. 1 ст. 92 УПК РФ протокол должен быть составлен не сразу, а в течение 3 часов с момента доставления. Этот срок установлен в целях проведения необходимых для обоснования задержания процессуальных действий, во время которых доставленный уже находится в зоне ответственности органов предварительного расследования.

Таким образом, представляется, что процессуальное решение о задержании не имеет «высокого» правового смысла, который вкладывается в иные резолютивные акты досудебного производства. Протоколу задержания подозреваемого в том виде, в коем он существует в действующей системе уголовно-процессуального регулирования, по существу более подходит роль некоего технического документа, составляемого для «внутреннего» пользования, например, для руководителя следственного органа, в целях более эффективного ведомственного контроля за законностью деятельности своих подчиненных.

Мы, конечно, не уверены, уместно ли здесь приводимое сравнение, но решение о задержании подозреваемого скорее напоминает своеобразный «протокол о намерениях», посредством которого следователь фиксирует свой замысел на дальнейшее применение к лицу меры пресе-

чения арестантского характера. Кстати, в данном контексте процессуальный акт задержания вообще теряет всякий смысл, поскольку ровно те же самые намерения, но уже обличенные в более развернутую и мотивированную форму вытекают из следующего по порядку документа – ходатайства в суд о заключении задержанного под стражу или под домашний арест (ч. 3 ст. 108 УПК РФ).

В одной из своих последних публикаций, проанализировав правовую сущность обвинения как результата дискретных полномочий следователя, основанного на совокупности достаточных доказательств, мы пришли к выводу о поспешности и необоснованности так называемого первоначального обвинения, обусловленного правилом, предполагающим применение к лицу меры пресечения лишь после его привлечения к уголовной ответственности. В этой связи было внесено предложение о возможности избрания меры пресечения в отношении подозреваемого не как исключения (ст. 100 УПК РФ), а как основного правила¹⁷.

И если придерживаться именно такого подхода (он-то и представляется нам единственно верным), то временной интервал между актом процессуального задержания подозреваемого и ходатайством в суд об избрании в отношении него меры пресечения сокращается до минимума. А с учетом того, что на практике эти несколько часов обычно полностью посвящаются формированию и предъявлению обвинения, решение о задержании и ходатайство в суд вообще должны неразрывно следовать одно за другим.

Резюмируя вышеизложенное, мы приходим, может быть, не совсем к «традиционному», своеобразному, но, тем не менее, единственно возможному выводу. Составляемый следователем/дознавателем в порядке ст. 92 УПК РФ протокол задержания подозреваемого – вообще лишнее

звено в механизме краткосрочного (внесудебного) ограничения конституционного права человека на свободу и личную неприкосновенность в преддверии его предполагаемого заключения под стражу или домашнего ареста. Этот «больной зуб» не следует лечить; его надо удалять! А для оформления правовых намерений органов предварительного расследования применить к задержанному меры пресечения вполне достаточно иных предусмотренных УПК РФ процессуальных средств, в частности, направляемого в суд ходатайства в порядке ч. 3 ст. 108 УПК РФ.

И поэтому все критические замечания ученых относительно документа, коим необходимо оформлять процессуальное решение о задержании (как его называть: протоколом или постановлением), лишены всякого смысла. Такое решение, равно как и правила его вынесения, в принципе подлежат исключению из системы уголовно-процессуального регулирования с передачей в административное ведение полиции и иных «силовых» ведомств, осуществляющих фактическое задержание и доставку потенциальных подозреваемых.

Несмотря на все попытки советского, а затем и российского законодателя ввести задержание подозреваемого в сферу уголовно-процессуального регулирования, оно фактически остается превентивной «полицейской» мерой, применяемой в целях как бы «внешнего», «допроцессуального» обеспечения благоприятного режима досудебного производства по уголовному делу. Такой она представлялась еще дореволюционному законодателю, таковой она, очевидно, останется и впредь.

В этой связи весьма уместно привести позицию Л. В. Головки. Автор пишет, что во всех правопорядках между задержанием кратковременным и задержанием длительным (заключением под стражу)

есть принципиальная разница: задержание является по своей природе полицейской мерой, а заключение под стражу – мерой судебной. Называться эти меры могут по-разному в соответствии с национальной терминологической традицией, более устойчивой в континентальных правовых порядках, например, французское противопоставление *garde à vue* (задержание) и *détention provisoire* (заключение под стражу). Однако само по себе разграничение двух принципиально отличных друг от друга форм ограничения физической свободы лица является объективной и универсальной константой¹⁸. О полицейском характере задержания пишут и другие авторы¹⁹.

Автору настоящей статьи не хотелось бы, чтобы высказанная позиция была истолкована превратно – как полностью исключая какое-либо процессуальное участие следователя в процедуре задержания лица по подозрению в совершении преступления. Мы вовсе не ратуем за абсолютное упразднение следственного присутствия в этом механизме. В конце концов, подобные полномочия обусловлены международно-правовыми стандартами; они же вытекают из системы действующего законодательства РФ. Именно следователь как субъект уголовной юрисдикции осуществляет проверку законности и обоснованности «полицейского» задержания, определяя дельнейшее положение подозреваемого и прини-

мая на себя весь груз процессуальной ответственности за его судьбу.

Мы лишь выступаем за упразднение самого процессуального решения о задержании как самостоятельного резолютивного акта, который не имеет никакого юридического смысла и лишь дублирует предшествующие «полицейские» документы. Полагаем, что законность и обоснованность задержания подозреваемого вполне может быть обеспечена не протоколом, оформляемым в порядке ст. 91–92 УПК РФ, а иными процессуальными актами: мотивированным ходатайством в суд об избрании в отношении лица меры пресечения арестантского характера или, наоборот, постановлением о его освобождении из-под стражи, выносимом в порядке ч. 1 ст. 94 УПК РФ.

Предлагая на строгий суд читателей вышеприведенную точку зрения, автор прекрасно понимает вероятность ее скептических оценок со стороны блюстителей «традиционных» подходов к задержанию подозреваемого. И тем не менее *мы осознанно идем на подобные исследовательские риски в надежде усовершенствовать существующие законодательные механизмы и оптимизировать сложившуюся правоприменительную практику* в контексте поиска разумного баланса между публичными и частными интересами, между полномочиями государства и правами личности как одной из основных задач уголовно-процессуальной науки.

¹ См.: Баев О. Я., Баев М. О. Современный правовой механизм задержания подозреваемого в совершении преступления и проблемы его совершенствования // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Право. 2016. № 2. С. 231.

² См.: Григорьев В. Н. Задержание подозреваемого. М., 1999. С. 160.

³ См.: Авдеев В. Н., Богацкий Ф. А. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве России. Калининград, 2006. С. 99–100; Зайцев О. А., Смирнов П. А. Подозреваемый в уголовном процессе. М., 2005. С. 153; Баев О. Я., Баев М. О. Указ. соч. С. 231.

⁴ Имеется в виду 2-я часть 15-го тома Свода законов Российской империи Николая I: «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках».

⁵ Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914. С. 321.

⁶ См., напр.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1996. С. 334; Строгович М. С. Уголовный процесс : учебник для юридических вузов и факультетов. М., 1946. С. 304.

⁷ См.: Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция) : постановление НКВД РСФСР и Наркомюста РСФСР от 13 октября 1918 г.

⁸ См.: Об изменении Положения о судостроительстве РСФСР : постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 г.

⁹ Имеется в виду Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик».

¹⁰ См.: Баев О. Я., Баев М. О. Указ. соч. С. 232.

¹¹ Здесь и далее – Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» с последующими изменениями и дополнениями.

¹² Имеется в виду приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан».

¹³ См.: Лившиц Ю. Д., Гинзбург А. Я. Меры пресечения и задержание в советском уголовном процессе. Алма-Ата, 1961. С. 30; Клюков Е. М. Мера процессуального принуждения. Казань, 1974. С. 21; Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. С. 140; Березин М. Н., Гуткин И. М., Чувилов А. А. Задержание в советском уголовном судопроизводстве. М., 1975; Муравьев К. В. Меры уголовно-процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия : доктрина, применение, оптимизация. Омск, 2017. С. 181; и др.

¹⁴ См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 6 ноября 1980 г. по делу «Гуццарди против Италии» (жалоба № 7367/76); Постановление Европейского суда по правам человека от 28 октября 1994 г. по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» (жалоба № 14310/88); Постановление Европейского суда по правам человека от 24 ноября 1994 г. по делу «Кеммаш против Франции» (жалобы № 12325/86, 14992/89).

¹⁵ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П.

¹⁶ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016. С. 531.

¹⁷ См.: Россинский С. Б. Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 30–36.

¹⁸ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. С. 525.

¹⁹ См.: Муравьев К. В. Указ. соч. С. 181; Химичева О. В., Шаров Д. В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // Законы России : опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 157.

Московский государственный юридический
университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Россинский С. Б., доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовно-процессуального
права

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Moscow State Legal University
named after O. E. Kutafin (MSAL)

Rossinskiy S. B., Doctor of Legal Sciences,
Professor of the Criminal Procedure
Department

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com